

Вера Чиркова

Разбойник с большой дороги.
Кадетки

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Разбойник с большой дороги

Вера Чиркова

**Разбойник с большой
дороги. Кадетки**

«АЛЬФА-КНИГА»

2017

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Чиркова В. А.

Разбойник с большой дороги. Кадетки / В. А. Чиркова —
«АЛЬФА-КНИГА», 2017 — (Разбойник с большой дороги)

ISBN 978-5-9922-2547-1

Найти любовь вообще непросто, особенно знатным бесприданницам, которых держат в незримых оковах суровые законы древнего рода и неумолимый этикет. Но эта задача становится неимоверно трудной, когда ко всему прочему добавляется подпись под королевским контрактом. Ведь этот документ принесет не только звание кадетки, щедрые награды и расположение ее величества, но и ненависть заклятых врагов королевы, не привыкших останавливаться ни перед чем, если нарушены их тайные планы по захвату власти. Но на стороне девушек теперь дружба, боевая выучка и помощь магов. А еще первые намеки на долгожданную любовь и счастье... И за это кадетки готовы сражаться.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2547-1

© Чиркова В. А., 2017
© АЛЬФА-КНИГА, 2017

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вера Чиркова

Разбойник с большой дороги. Кадетки

*Любителям «Маглора» и «Сестер Тишины» продолжение историй
мира Эркада*

Предисловие

На огромном материке кипит сложная и подчас жестокая жизнь.

Плетут хитроумные интриги безжалостные ведьмы Ардага, рвется к господству над Дройвией сумасшедший маг, твердой рукой решает судьбы королевских бастардов непреклонная королева Сандинии, а мудрая матушка Тмирна, настоятельница монастыря Святой Тишины, учит обездоленных войной девушек находить себе занятие по душе и достойное место под солнцем.

А где-то далеко на западе, на соединенном с материком лишь узким перешейком Идрийском полуострове, шесть знатных и гордых, но бедных бесприданниц, давно потерявших надежду на счастливый союз любящих сердец, вступили в битву за свои мечты, заранее зная, что легкой эта война не будет. Однако никто из них не привык склонять голову перед злом и трудностями, да и награда того стоит.

Глава первая

О свадебных законах дроу и некоторых странностях судьбы

С широкого балкона, примыкавшего к расположенной на третьем этаже королевской оранжерее, доносились оживленные голоса и беззаботный смех. Тем не менее Годренс, появившийся из портала на своем излюбленном месте в тени малахитовой колонны, не сразу подошел ближе к повеселевшей компании. На минуту замер, прижавшись к гладкому камню, прислушиваясь к беседе и внимательно изучая представшую перед ним картину. Зантария сидела у маленького столика в окружении фрейлин, а в центре внимания, как маг и предполагал, была миниатюрная маркиза Зайбер, развлекавшая общество байками и шутками. Оба юных принца взирали на нее с самым заинтересованным видом, не замечая быстрых многозначительных взглядов, какими брюнетка обменивалась с бароном Габердом.

«Похоже, и у этих дело стремительно идет к свадьбе», – ехидно усмехнулся Год, припомнив мнение всезнающих придворных дам, утверждавших, будто никому не под силу привести в храм Элторны лучшего мечника королевства. И вовсе не из-за его особой требовательности к внешности или характеру женщин, ни в чем таком Ительниз замечен не был. Зато всем известно о его щепетильности в отношении знатности и богатства будущей невесты. Девушек знатнее или состоятельнее себя гордый барон никогда прежде даже не замечал.

Дора словно почувствовала пристальный взгляд жениха – заерзала, оглянулась, и ее лицо вмиг осветилось искренней радостью. У Года тут же потеплело на душе, и сразу отошли в тень все остальные заботы и дела. Осталась только любимая, торопливо оправляющая идеально уложенные локоны парика и сияющая чуть смущенной улыбкой.

Подходить ближе магу не понадобилось. Вставшая со своего стула княжна что-то шепнула Октябрине, виновато-учтиво поклонилась королеве и, стараясь не отвлекать Кати, аккуратно пробралась мимо принцев, направляясь к Годренсу.

Он шагнул ей навстречу, поспешно подал руку и, получив доверчивую теплую ладошку, сжал ее крепко и нежно, не желая целовать на виду у всех. Отвернулся и повел княжну в полумрак оранжереи, делая вид, будто не замечает провожающих их любопытных взглядов. А едва отойдя в глубь зала на десяток шагов, крепко обнял невесту за талию и нажал на браслете заветный камень.

Выйдя из портала, дроу в первый момент растерялся и испугался, но не за себя, а за встревоженно охнувшую Дору. Все вокруг гремело и лязгало, по мрачной и неприятной комнате, освещенной только сполохами молний, гуляли порывы яростного ветра, приносявшие холодные дождевые струи и пытавшиеся утащить в распахнутые окна насквозь промокшие занавеси. Маг вмиг поднял все щиты, крепче обнял вцепившуюся в него девушку и, успокаивающе глядя по плечам, нашел губами дрогнувшие губы. Так было гораздо проще, а самое главное – приятнее утешать невесту, чем долго объяснять ей, что мимолетно брошенное заклинание домашнего уюта уже заперло окна и высушило лужи, зажгло свечи и очаг, по здешним обычаям устроенный посередине комнаты, в выложенном камнями углублении. Дым уходил в раструб низко опускавшейся к огню медной трубы, обогревавшей все три верхних этажа похожего на башню жилища.

Опомнился Годренс только в тот момент, когда почувствовал, как девичьи пальцы неумело борются со шнуровкой его рубахи. Огляделся и едва не присвистнул, обнаружив себя неизвестно когда устроившимся в своем любимом широком кресле вместе с сидящей на коленях невестой.

– Дора... – поймал осмелевшую девичью ладошку опомнившийся маг, нежно ее поцеловал и заглянул в глаза смутившейся княжны: – Я думаю, нам нужно пожениться.

– Я согласна, – не медля ни минуты, выпалила она, жарко покраснела и догадалась поинтересоваться: – Но ведь мы уже... помолвлены?

– Я дроу, – снова целуя ее руку, почти виновато вздохнул он, – и для того чтобы тебя признали законной женой все мои родичи, должен действовать по дройским законам. Если мы прямо сейчас отправимся к моей родне, то как раз успеем вечером провести ритуал. Но свадьба у дроу – не очень приятное событие для девушек, тебе придется просидеть взаперти одной не менее двух часов, чтобы доказать всем серьезность своего решения. Раньше в небогатых семьях иногда пренебрегали этим правилом, считая его не особенно важным, но после несчастного случая, когда Элторна забрала обратившуюся за помощью девушку, закон соблюдается неукоснительно.

– А у тебя семья небогатая? – задумалась Дора, поймала внимательный взгляд жениха и снова заалела щеками: – Извини, я не потому... если они не могут оплатить, у меня теперь есть деньги, королева положила в гномий банк.

– Дора, я все знаю, и даже сколько там лежит. И тоже говорю тебе это не потому, деньги и у меня есть. И дом тоже, вот этот самый, о нем не знает никто, кроме самых надежных друзей. Но для меня главная ценность теперь ты, и я должен иметь законное право тебя защищать. И всегда быть рядом.

– Год... – Княжна обхватила его руками за шею, прижалась лбом к смуглой щеке и очень серьезно пообещала: – Не волнуйся, я все выдержу. Раз так нужно, просижу в этой вашей темнице хоть целый месяц и даже не пикну.

– Какая еще темница? – ошарашенно уставился на нее дроу, недоумевая, откуда она такое взяла. – Ох, радость моя, наверное, я плохо объяснил. Никакой темницы нет. Невесты сидят в самой лучшей спальне, и все там у них есть: и еда, и зеркала, и умывальня. Только я не смогу туда попасть, и никто не сможет. Щиты накладывают все маги дома. Девушка должна принять решение спокойно и самостоятельно. А все необходимое я уже закупил и отправил с посыльным. Поэтому если ты не передумала, то нам пора идти. Свадебные ритуалы проводят на заходе солнца.

– Не передумала, – помотала головой Дореня и вдруг шмыгнула носом: – Лишь бы ты сам...

– Радость моя, еще никогда, поверь мне, и ничего я не желал сильнее, чем этого ритуала. Не сомневайся и никому не верь... иногда женщины, которые одевают невесту, для испытания ее чувств, нарочно придумывают всякие каверзные проверки. Если не хочешь с ними разговаривать, можешь не отвечать, просто молчи, и все. Сделай вид, будто не понимаешь, – хотя наши языки и схожи, не каждый может изъясняться свободно.

– Я знаю дройский, – хмыкнула Дора, – но разговаривать не стану. Фанья нас учила, что умение смолчать – путь к победе.

– Она очень мудрая женщина, – подтвердил маг, подавив безрадостный вздох: вести любимую в дом родичей очень не хотелось, но другого пути он не видел. – А теперь давай я поправлю твою помаду и прическу и заодно наброшу на нее защиту. Не стоит показывать им твои тайники.

Мир на миг поблек и сразу расцвел новыми красками. Некоторое время Дора придиричиво изучала комнату, в которой оказалась, и постепенно приходила в недоумение – никак не походило это место на чье-то жилище. Вернее, жить тут, конечно, можно, если добавить посуды, цветов, книг и прочих мелочей, которые неизбежно накапливаются в жилых комнатах.

– Не волнуйся, – успокоил девушку маг, торопливо упаковывающий большие мешки, – это постоянный двор, я снял эту комнату всего час назад. Отсюда мы поедем в коляске, незачем родичам знать обо всех моих способностях.

– А как же я отсюда выйду? – забеспокоилась Дора, смутно помнившая рассказы о дройских обычаях, и получила в ответ нежную, успокаивающую улыбку:

– Под вот этим покрывалом. – Годренс набросил ей на голову накидку из серебристого кружева и прикрепил к прическе шпильками. – Ты правильно догадалась, до ритуала никто из мужчин моего дома не должен увидеть лица невесты.

Больше ничего Дора выяснить не успела. Прибежали услужливые лакеи и потащили куда-то багаж, а следом за ними маг повел свою невесту, только теперь начинавшую осознавать, как серьезно все происходящее с нею.

Княжна вдруг разволновалась, разом припомнив все чужие свадьбы, на которых ей пришлось присутствовать в последние годы. И свои грезы о той, где самой главной из всех девушек будет она, Дореня Марьено. Конечно, особых украшений и дорогих нарядов Дора не загадывала для себя даже в самых смелых мечтах, зато смаковала подробности выбора ткани, примерок, прически... а теперь даже не знает, какого цвета будет самое долгожданное платье в ее жизни.

– Год, – отважилась шепнуть княжна, едва коляска тронулась, – а можно вопрос?

– Да, радость моя, – склонился к ней дроу, бесцеремонно задернув занавеси на окнах. – О чем ты хочешь узнать?

– Какого цвета платья носят ваши невесты?

– Белого, как наряд Элторны, из лучшего торемского кружева, – тотчас сообщил Годренс. – Но на моей невесте платье будет такого цвета, какого она пожелает. И не волнуйся так, радость моя. Мы пробудем там лишь несколько часов и сразу после ритуала уйдем в мой дом. Ну а праздновать это важное событие будем завтра в Беленгоре, с твоими подругами и моими друзьями. Я давно уже живу по незыблемому правилу – делиться счастливыми новостями только с теми, кто за меня искренне радуется. Так в какой цвет окрасить кружево?

– Мне всегда хотелось нежно-голубое, – вздохнула Дора, – но теперь мне нравится твое правило, и я тоже хочу жить по нему. Пусть сегодня кружево будет белым, а завтра станет голубым.

– Как пожелаешь, так и будет, – и не подумал спорить маг, но в его глазах мелькнула лукавая улыбка. – А теперь приготовься, мы скоро подъедем к моему родному дому. И еще, запомни: на тебе мощная зеркальная защита, которая отразит в недоброжелателя любую попытку причинить тебе вред. Поэтому ничего не бойся.

– Спасибо, – серьезно поблагодарила девушка, не решаясь задавать мучивший ее новый вопрос.

Ради чего им нужно проводить ритуал именно здесь, а не устроить свадьбу в Беленгоре? Все кадетки были бы рады помочь и советами, и делом. Да и удобнее там. Хотя Год и сказал что-то об обычаях дроу, но какое им дело до живущего в чужой стране родича?

Коляска остановилась перед крыльцом старинного каменного дома. Он был еще довольно крепким, но неухоженным и потому выглядел мрачновато. Годренс немедленно выбрался на заросшую чахлой травкой дорожку, подал руку Доре и повел ее к невысокому крыльцу без навеса и перил. Конюх и приехавший вместе с ним слуга с постоянного двора потащили следом за ними мешки, корзины и сундучки.

– Добро пожаловать в родной дом, Годренс Чатонде, – звучно объявил, распахивая перед магом дверь, одетый в темное седовласый дроу. – Мы исполнили твою просьбу.

– Благодарю, – вежливо склонил голову маг, не желая, чтобы глава дома рассмотрел ехидный блеск его глаз.

Еще бы они ее не выполнили, если он без обиняков пообещал в случае отказа устроить свадьбу в городском храме и пригласить всех самых уважаемых жителей Тинска.

Биренс величественно кивнул, развернулся и направился в глубь дома, предоставляя незванным гостям следовать за ним, но Годренса такая встреча ничуть не смутила. Он и на более холодный прием был бы согласен, лишь бы уберечь Дору от всех возможных неприятностей, какие могут устроить в будущем родственники, если с ним что-нибудь случится.

– Куда нести багаж? – тихо осведомился кучер, остановившийся перед ведущей наверх каменной лестницей.

– Мешки и сундучки на второй этаж, – распорядилась, выступая из тени колонны, сухопарая женщина в строгом темном платье, заставив Годренса усмехнуться про себя этой наивной хитрости.

Давно прошли те времена, когда он считался самым бесталанным среди подростков и вынужден был глотать обиды и упреки за каждый кусок хлеба. И делать самую грязную и нудную работу – у друу всегда было очень жесткое разделение по степени одаренности. А теперь еще от входа заметил стоявшую под прикрытием «отвода глаз» двоюродную тетюшку, одну из тех, кого предпочитал бы никогда в жизни больше не встречать.

– Корзинки из ивы на кухню, – властно добавил Годренс, – а из орешника – в комнату невесты, там угощение для нее и одевальщиц. Идем, Дореня, я тебя провожу.

– Мы сами отведем, – словно по команде высыпали из столовой замужние женщины, и вот эти явно принарядились к неожиданному празднику.

Однако маг никому не уступил руку княжны, сам повел ее по стертým ступеням узковатой лестницы. Одевальщицы попробовали оттеснить от него невесту, но никто из них так и не смог пробиться через окружающий новобрачных воздушный щит. Сустились женщины втихомолку и так же молча отступили, признав бесполезность всех усилий. Однако шли следом, не отставая и на полшага, и, едва добравшись до галереи второго этажа, снова окружили гостей плотным кольцом.

Перед дверью в приготовленную для невесты спальню, о чем оповещал тощий букетик, связанный кружевной лентой, женщины снова попытались задержать Года, но невидимая стена уверенно раздвинула их в разные стороны, пропустив жениха с невестой вперед.

Комната оказалась не пуста, в кресле у окна спокойно сидела немолодая, очень худая женщина в фиолетовом платье вдовы. Ее темные глаза равнодушно взирали на безмолвную возню родственников и так же бесстрастно уставились на гостей.

– Добрый день, бабушка, – сухо произнес маг, внимательно оглядывая помещение.

Убедившись, что спальня вполне достойна сегодняшней миссии, хотя и украшена довольно скудно, Годренс незаметно щелкнул пальцами, сбрасывая загодя приготовленное заклинание, и усадил Дору на накрытое потертым покрывалом кресло.

– Я ухожу, дорогая, – громко сообщил он невесте, а бережно целуя на прощанье прохладные пальчики, успокаивающе шепнул: – Ничего не бойся.

Княжна кивнула в ответ, проводила взглядом неторопливо вышедшего из комнаты мага и хмуро усмехнулась. Всего месяц назад она даже не заметила бы всех этих мелких шпилек и едких взоров, которыми встретили ее жениха родичи, но больше не была наивной и беззащитной бесприданницей. Теперь Дора – королевская кадетка и забывать об этом не намерена.

– Ну покажите мне ее, – сухо приказала бабушка, и одна из женщин, подскочив к невесте, поспешила сдернуть с нее накидку.

И тут же отскочила, тихо зашипев, как будто обожглась.

– На ней какие-то чары, – немедленно определила та из родственниц, которая встречала гостей внизу. – Нужно позвать Милса.

– Кстати, – снова распахнулась дверь и на пороге появился Годренс, – забыл предупредить. Моя невеста защищена зеркальными чарами, и всякое ваше движение, способное вольно или невольно причинить ей вред, тотчас вернется к вам.

– Но я только хотела снять накидку, – возмутилась шипевшая женщина, – а она укусила.

– Видимо, снимала ты недостаточно бережно, – жестко прищурился маг, – или не вынула прежде шпильки. И раз так, я добавлю еще условие – надеть на Доренею или снять вы сможете только те одежды и украшения, которые она позволит.

Послал Доре воздушный поцелуй, осыпавшийся на нее душистым цветочным дождиком, по-хозяйски огляделся, довольно ухмыльнулся и ушел, теперь уже окончательно.

Глава вторая

О самом волнительном моменте в жизни каждой невесты – подготовке к свадьбе

Некоторое время после ухода жениха в спальне властвовала тишина. И хозяйки дома, и княжна зачарованно рассматривали происходящие с комнатой изменения. Словно случайно заблудившийся солнечный зайчик, все разрастаясь, полз по стенам, мебели, занавесям и окнам, снимая добавленные временем царапины, пятна и заплаты и возвращая вещам первозданный вид и цвет. Постепенно лежащий на полу вытертый почти до дыр ковер стал пышным, сочно-оранжевым и вдобавок расцвел мелкими алыми и белыми цветочками. Стекла окон словно растаяли, обретя полнейшую прозрачность, а медные ручки и щеколды засияли жарким блеском.

Но сильнее всего поразила хозяек дома проступившая на потолке картина – летящий по бурному синему морю храбрый кораблик с белоснежными парусами.

– Иллюзия, – зло процедила одна из молодых женщин, но Дора ясно расслышала в ее голосе зависть и раздражение.

– Нет. – Решив, что пора показать себя, невеста неторопливо подняла руки, вынула шпильки и аккуратно сняла покрывало.

Сначала она собиралась отбросить его в сторону, но случайно заметила, с какой жадностью следят за ее действиями глаза хозяек дома, и тут же передумала. Не настолько они рады Году и ей самой, эти спесивые женщины, чтобы делать им такие ценные подарки. Да лучше она завтра отдаст это покрывало Тэри, та недавно говорила, что хотела бы передать сестренке небольшой гостинец.

Княжна величаво, словно находилась в гостиной королевы, а не в доме дроу из бедного рода, поднялась с кресла, прошла к столу и, аккуратно свернув кружево, убрала его в один из сундучков, из которого две немолодые женщины бережно доставали и раскладывали по скатерти ожерелья и диадемы.

– Этот сундук я заберу с собой, – демонстративно бросив сверху шпильки, на хорошем дройском языке холодно произнесла Дора, внезапно сообразив, сколько денег потратил Год ради этого ритуала.

– Мы всегда отправляем в комнату молодоженов все принадлежащие невесте вещи, – огрызнулась бабушка, почти с ненавистью рассматривая стройную золотоволосую синеглазку. Подождала, пока та сядет на место, и желчно добавила: – А ты, значит, бесприданница, раз до сих пор никто на тебя не польстился.

Дора только снисходительно усмехнулась – этими словами ее уже давно нельзя ни уколоть, ни оскорбить. Да и спорить с правдой она никогда не пыталась: не замазывала темные пятна на старых бальных туфельках зубным порошком и не пришивала новые оборки на немодные платья. Просто заставляла себя забыть про свой внешний вид и никогда не смотрелась на приемах в зеркала. Не собиралась отвечать старухе и сейчас.

– Ну что же ты примолкла? – напрасно подождав несколько минут, пренебрежительно фыркнула дроу. – Не желаешь рассказать нам о великой любви, по какой Годренс на тебе женится? Только не забудь упомянуть про титул, ты ведь из знатного рода? А может, тебе по наследству еще и какой-нибудь полуразвалившийся замок отойдет? Тогда мы хоть порадуетесь за вас.

Это был очень подлый удар, и еще недавно Дора наверняка вскипела бы от обиды и резко прикрикнула на нахальную старуху. Однако сейчас княжна отлично понимала, какую радость испытает злобная дроу, если увидит, как точно попали в цель ее ядовитые слова. И, вовсе не

собираясь делать старой ехидне такой щедрый подарок, состроила самое равнодушное выражение лица. Но и спускать старухе низкого выпада не пожелала.

– Вот теперь я поняла, – глубокомысленно сообщила Дора своему отражению в блестящем обновленной позолотой зеркале, – почему внук так холодно поздоровался со своей родственницей и не принес ей ни подарка, ни гостинца. Судя по всему, она его ненавидит и, стало быть, никогда и не любила. И если до этого момента я собиралась уговорить Года помириться с бабушкой и, возможно, даже пригласить ее в мой полуразрушенный замок, то теперь передумала.

– Да зачем мне твои руины? – в запале презрительно выкрикнула ее противница. – Живите в них сами.

– Так мы и собираемся сделать, – кротко улыбнулась Дореня и нанесла хорошо подготовленный удар: – Жаль только, они будут выглядеть недостаточно старинными после того, как мой муж кастует на них вот это заклинание.

Состроила самую огорченную гримаску и небрежным взмахом указала на стены совершенно изменившейся спальни. Одевальщицы невольно проследили за ее движением и не сдержали завистливого вздоха.

Повезло Гелте, будет теперь задирать нос, а ведь еле уговорили отдать на полдня свою спальню. И главное здесь вовсе не теплый ковер и не появившаяся на потолке картина, а камин, на котором больше не осталось ни одной кое-как затертой трещины, и окна, сияющие целыми стеклами и новеньким деревом вместо давно уже сгнивших рам. Раньше Гелта всегда жаловалась на сквозняки и дымящий очаг.

– Поторопитесь, – строго прикрикнула на одевальщиц бабушка, – ей еще подумать нужно, зачем она выходит замуж за самого неудачливого и лживого мужчину во всей Дройвии. Он ведь небось показывал ей эти ларцы и обещал все драгоценности подарить после ритуала, но забыл предупредить, что взял их под залог в ювелирной лавке и после свадьбы все до последнего колечка нужно будет вернуть.

– А кружево? – осторожно спросила одна из женщин, расшнуровывая большой мешок и доставая пышный рулон драгоценной торемской ткани.

– Наверняка договорился с торговцем сдать назад со скидкой, – процедила старуха, мстительно покосившись на задумавшуюся чужачку.

Однако она очень изумилась бы, узнав, о чем на самом деле думает невеста ее ненавистного внука. Дору никогда особенно не манили драгоценности, хотя сапфировый комплект, украшавший витрину самой большой ювелирной лавки ближайшего к замку Марьено городка, долгое время был тайной мечтой юной княжны. Однако с некоторых пор ее душа охладела и к любимым сапфирам, и ко всем прочим украшениям. Виной этому стал бывший жених, приславший Доренее письмо с просьбой вернуть сделанные в честь предстоявшей помолки подарки, объяснив это требование ревностью новой избранницы.

Разумеется, Дора тотчас отправила ему с посыльным все довольно скудные дары, не забыв присовокупить к списку и стопку сотни раз перечитанных записочек, и бережно хранимые ею до того дня ленточки и шнурки, некогда стягивающие любовные послания. И после этого больше никогда и ни от кого не брала никаких колечек или брошек, не желая второй раз испытать подобное унижение. Только браслет Годренса... и теперь ей вдруг нестерпимо захотелось на него взглянуть.

Дора даже взялась за рукав, но представила жадные, заинтересованные взгляды одевальщиц и удержалась от искуса. Ей браслет и так уже знаком почти наизусть, каждую свободную минутку любит. Княжна живо припомнила, как жених объяснял, что смастерил это украшение сам, и вдруг поверила заявлению злобной бабки.

Ну конечно, он взял эти сундучки взаймы, и не важно, где, в королевской сокровищнице или у кого-то из своих пациентов. Главное – все нужно вернуть, до последнего камушка. И Доре

ничуть не жаль этих украшений, ей вообще ничего не нужно, ни одно колечко не стоит того, чтобы ради него Год влез в долги или набрал новых заказов. Либо пациентов... какая, по сути, разница? И значит, сегодня ее светлости нельзя привередничать и подбирать драгоценности по своему вкусу. Пусть вешают на нее все подряд: ради мужчины, от одного взгляда на которого становится светло на душе, Дора вполне может несколько часов походить разряженной, как рыночный затейник.

– Жалко, – тихо вздохнула одна из молодых одевалиц. – Обычно нам остаются какие-нибудь безделушки.

– А сегодня обойдетесь, – едко прошипела старая дроу. – И все кружево на нее намотайте, нам его обвинений в грабеже не надобно. И так уже один раз ослабил на весь Тинск.

Дора пропустила эти слова мимо ушей, не собираясь верить обозленной на Годренса старухе. Внимание княжны было занято окружившими ее со всех сторон дроу.

– Можно причесать твои волосы? – сухо поинтересовалась женщина постарше, подступив к невесте с частым гребнем в руках. – У нас положено выходить замуж с распущенной косой.

– Нет, – жестко остановила ее Дора и, догадавшись по лицам женщин, как ошеломил их ее отказ, мягче пояснила, стараясь не сказать ни слова лжи: – Мне делали прическу лучшие мастера. Украшайте так, но шпильки втыкайте осторожно. Не хотелось бы причинить вам боль.

Дроу помрачнели и недовольно засопели, без слов подтверждая худшие опасения княжны. Судя по всему, кое-кто из них, наоборот, не прочь бы поставить чужачке несколько синяков и ссадин.

Некоторое время они упорно работали, обвешивая голову невесты сеточками, диадемами и бусами, потом холодно попросили ее встать и принялись обматывать кружевом, делая из него подобие платья с широкой многослойной юбкой. Вскоре Дореня видела в зеркале пышный кокон из ажурной ткани, не находя для себя иного сравнения, кроме как с кочаном капусты. Под конец на нее повесили все остальные бусы, броши и ожерелья, натянули кружевные перчатки и поверх них надели кольца и браслеты.

– Хорошо, – одобрила законченную работу наблюдавшая из своего кресла бабушка и съязвила: – Пусть бедняжка напоследок почувствует себя богатой и счастливой. Сажайте ее и накрывайте.

Дору втиснули в кресло и набрасывали сверху кружевные покрывала и огромные платки до тех пор, пока все более злившаяся княжна не рявкнула:

– Хватит!

– Положено семь покрывал, счастливое число, – ехидно просветила невесту невидимая старуха, и в ее голосе Дореня ясно расслышала почти нескрываемое торжество.

Бабка определенно устроила чужачке какую-то пакость и теперь радовалась, что сумела поймать ее в ловушку. Вот только в какую, княжна пока понять не могла. Некоторое время вокруг нее раздавались торопливые шаги, женщины чем-то шуршали и что-то передвигали. Наконец стукнула дверь, щелкнул засов и все стихло.

Минут пять Дора сидела покорно, ожидая, не вернется ли надоевшая ей толпа, потом осторожно подняла руки, намереваясь откинуть с лица платки, но это ей почему-то не удалось. Покрывала словно держал кто-то сильный и упорный.

В первый момент девушке не поверилось в накотившие волной подозрения, рассудок сам принялся придумывать оправдания и простые причины, не позволяющие снять ткань. Припомнился даже давний случай, когда она нечаянно наступила на собственный подол и не могла подняться с кресла. Дора тут же пошевелила по очереди ногами, попутно пытаясь приподнять покрывало с разных сторон, и зло посмеялась над собственными наивными надеждами. Ткань явно была привязана либо придавлена чем-то тяжелым.

Княжна наконец догадалась, чем занимались одевальщицы, укрыв ее несколькими слоями ткани, а потом запоздало припомнила слова Года о корзинах с фруктами, зеркалах и умывальне.

«И значит, она должна была до заката свободно гулять по комнате, отдыхать и лакомиться лучшими плодами...» – Невеста лишь сейчас полностью осознала всю низость подстроенной ей западни.

От возмущения и гнева щеки кадетки полыхнули огнем, и тут же ей стало нечем дышать, а на лбу выступила испарина. Ужасающее предположение обрушилось на девушку, как ушат ледяной воды, заставив ее ошеломленно затаить дыхание. Спина вмиг оледенела, пальцы кадетки задрожали от внезапно пришедшего запоздалого понимания, как сильно заблуждался Годренс, считая родичей просто жадными и не догадываясь об их истинной жестокости и подлости.

И уж тем более непокорный маг даже не подозревал, какую страшную месть они придумали, эти подлые дроу, и насколько тяжелый удар предстоит ему вынести вместо свадьбы.

Острым жалом вонзилась в душу Доры боль за любимого и жалость к самой себе и словно наяву встала перед глазами жуткая картина: вот на закате одевальщицы толпой входят в комнату, ловко растаскивают в стороны кресла и сундуки, придавившие углы покрывал, и, подняв многослойную ткань, злорадно любуются на задохнувшуюся чужачку. А потом с притворными криками и рыданиями бегут вниз, чтобы обрушить страшное известие на ничего не подозревающего Года.

Княжна невольно всхлипнула, яростно мотнула головой, отгоняя страшные видения, и тихо зашипела, почувствовав, как больно дернул волосы парик.

Ну конечно, тут же сообразила кадетка, они постарались покрепче пришпилить кружево к ее прическе, чтобы она никаким образом не сумела выбраться из их тщательно подготовленной ловушки. Вот только и представить не могли, что на самом деле волосы у невесты не достают и до плеч. И тем самым оставили ей хоть и непростой, но верный путь к спасению.

– Ну, убийцы, – прошипела кадетка, начиная понимать, как правильно поступил когда-то разбойник, заставив их обрезать волосы, – вы крупно просчитались.

Несколько минут Дора потратила, снимая с пальцев кольца и перчатки, – нащупать сквозь кружево крохотный потайной крючочек, закрепляющий парик, было невозможно. Дышать при этом девушка старалась ровно и время от времени приподнимала перед собой пачку покрывал, давая доступ робкой струйке свежего воздуха, проникавшей откуда-то снизу. Наконец все кольца и браслеты оказались у нее на коленях вместе с перчатками, и руки заученно скользнули по шее вверх, стремясь добраться до заветной застежки.

Однако и здесь кадетку ждала недобрая новость: покрывающие голову сеточки были накрепко пришпилены не только к парику, но и к платью. Теперь она могла лишь ругать себя за простодушие, с каким доверилась чужим, ненавидящим ее жениха женщинам.

К этому моменту княжна постепенно убедилась, что задохнуться насмерть она могла только в одном случае: если бы запаниковала, начала дергаться и еще больше запуталась в ткани. Но и тогда оставалась маленькая надежда на спасение: если бы она потеряла сознание и начала дышать намного реже.

Но даже в самом лучшем случае, сняв с нее перед часовой покрывала, одевальщицы явили бы взглядам родичей растрепанную, зареванную и опухшую невесту с безумным взглядом и размазанной помадой.

Все что угодно могла бы спустить Дора родственникам мужа, только не намерения испортить ей самый долгожданный праздник. Эту низость княжна поклялась не прощать злым гадинам никогда.

Больше кадетка не торопилась. Просунув руку под щедро усыпавшие прическу украшения, она потихоньку, с передышками, нащупывала булавки и шпильки и по одной вытаскивала

из парика и ткани. Крючок она сумела расстегнуть уже через треть часа, но освобождения это не принесло: кое-где остались булавки, крепившие сеточки к кружеву наряда и не дававшие снять парик с головы. Рука постепенно уставала, начинало ломить плечо, но Дора и не думала сдаваться. Упорства бывшей бесприданнице всегда хватало, иначе она уже давно ходила бы на приемы с собственным, хорошо потрепанным жизнью и бывшими женами мужем.

Примерно через час, когда княжна сумела свободно провести рукой по шее, покрутить головой в разные стороны и осознать, что ничто ее больше не держит, никаких сил радоваться победе у нее уже не оставалось. Но появилось несколько задумок, как выскользнуть из проклятого кокона, и кадетка начала по очереди проверять их на деле.

Самый простой план – сползти из-под покрывала вниз – потерпел неудачу. Не удалось и выдернуть хоть один край верхнего покрывала, придавленного чем-то тяжелым. Зато Дора сумела подтянуть и поднять повыше сначала самый нижний платок, а потом и три последующих. Дышать сразу стало легче, и некоторое время девушка отдыхала, откинувшись на кучу ткани и рассматривая проступившие сквозь кружево смутные очертания комнаты, щедро освещенной расставленными по каминной доске подсвечниками с толстыми свечами.

– Гадины, – рыкнула девушка, сообразив наконец, почему ей так душно, достала из тайничка крохотный, но невероятно острый гномий кинжальчик и бестрепетно вонзила в последнее, самые плотные покрывала.

Уже через несколько мгновений, высунув на свободу голову с прилипшими ко лбу влажными от пота растрепанными прядями, княжна жадно глотала свежий воздух, показавшийся ей прохладным после почти полуторачасового плена. А заодно с ненавистью озидала баррикаду из кресел и сундуков, запиравшую ее кружевную темницу.

За последний час она успела отчетливо осознать, что коварные дроу придумали эту безжалостную западню вовсе не в тот момент, когда одевали и наряжали ее к празднику, которого, как они уже точно знали, у ничего плохого не сделавшей им девушки не будет. Нет, они, несомненно, все обсудили, распределили роли и приготовились загодя. Иначе откуда бы взялись надежные кожаные шнуры, крепко примотавшие углы верхних покрывал к ножкам массивных кресел, стола и сундука? Ведь ни в одном королевстве обычные женщины не носят с собой полные карманы таких завязок.

Доре еще невероятно повезло сдержать себя, не впасть в панику и не начать кричать и дергаться, безрассудно тратя силы и небольшой запас воздуха. И вот за это нужно сто раз сказать спасибо разбойнику, это он своими придирками и ловушками научил прежде почти беспомощную кадетку искать выход в самых безвыходных ситуациях.

Дора решительно разрешила покрывало дальше, потом попыталась выскользнуть из западни и с чувством выругалась, обнаружив, что сотня намотанных на нее локтей кружева тоже где-то привязана.

Но теперь, когда девушка могла свободно дышать и ей ничего не грозило, придумать, как выпутаться из драгоценного белоснежного плена, было намного проще. Но сначала княжне хотелось взглянуть на заветный браслет, к которому, словно зачарованные, все время возвращались ее мысли.

Подарок мага оказался на месте, он так же мягко сиял искусно ограненными камнями, придавая девичьей душе уверенности и сил.

– Спасибо, Год, – с чувством шепнула княжна и нежно погладила теплые камни. – И не волнуйся за меня, теперь я выберусь.

– Откуда? – словно далекое эхо донесло издалека взволнованный голос жениха.

«Перегрелась в проклятом коконе», – тяжело вздохнула девушка, прикидывая, с чего ей начинать распутывать ставшее капканом одеяние. С кучи булавок, крепивших ткань, или все же с драгоценностей.

Глава третья

О том, где и с кем проводит время до свадьбы счастливый жених

– Сходил бы погулял, – прозрачно намекнул Году глава дома. – Тебе необязательно сидеть тут, пока мы готовимся к церемонии. Все равно ничем не поможешь.

Маг молча кивнул. Рассказывать бывшим родичам, что он и сам легко управился бы со всеми приготовлениями, сделав все намного лучше их, Годренс не собирался.

Взял свою шляпу, дорожный саквояж и вышел из дома, куда всего полчаса назад входил первый раз за последние восемнадцать лет. Хотя и давно не вспоминал ни о нем, ни о тех, кого когда-то считал своей семьей.

Неторопливо шагая по направлению к центру города, маг, ехидно усмехаясь, рвал одну за другой навешенные на него следилки. И совсем простые, почти топорные, и весьма изощренные. Эти он оборвал самыми последними, когда нить, связывающая его с одним из бывших родичей, стала совсем тонкой.

Лишь после этого Год свернул в проулок, ведущий к небольшой гостинице, и вскоре уже запирал за собой засов снятой на день скромной чердачной каморки.

Некоторое время он расслабленно сидел в продавленном старом кресле, успокаивая вскипевшую в душе старую обиду, потом не выдержал. Тревога за Дору постепенно становилась все сильнее. И хотя маг предпринял все меры, чтобы с его невестой не случилось никакой беды, события последнего часа ясно показали: ничего в том доме ему не простили и никакого добра не сделают. Несмотря на весомый кошелек, выданный Годом на расходы бывшему дяде.

Ругая самого себя за мнительность, маг достал крошечный стерженек вестника и сунул в порталную пирамидку.

Вирденс возник напротив него всего через несколько минут, словно ожидал этого вызова. Бегло оглядел дешевую комнатуху, весело хмыкнул и плюхнулся на заправленную потертым одеялом лежанку:

– Рассказывай.

– Я женюсь, – коротко сообщил Год и неожиданно для себя тяжело вздохнул.

– А подробнее можно? – нахмурился Вирд. – И что именно тебя заставило? Или кто?

– Ты не так понял – никто не заставлял. Я наконец нашел ее, свою судьбу. И теперь она сидит в доме Чатонде, а меня гложет тревога.

– Разве ты ее не защитил?

– На ней несколько сильных амулетов, мой свадебный браслет и заклинание зеркального щита. Но ведь они все маги и отлично знают старинные родовые проклятия и ловушки.

– Второй браслет у тебя? – нетерпеливо перебил его маглор.

– Нет, в том-то и дело. Я оставил шкатулку с ним там, ты же знаешь законы.

– А ты как будто не знаешь своих родичей, – сердито фыркнул учитель. – Они же сейчас небось всей семьей стараются выковырять из него хоть один камушек или снять щиты. Ну а хоть какая-нибудь вещица, принадлежащая твоей невесте, у тебя есть?

– Нет... – Под этим укоризненным взглядом Годренс чувствовал себя тем же деревенским простаком, каким он когда-то нанимался в прислужники к юному маглору с одной-единственной темной полоской на ногтях. – Но в Беленгоре есть несколько париков из ее волос, я сейчас схожу.

– Идем вместе, – как обычно бесцеремонно решил Вирденс, подхватывая ученика магической лапой. – Где ее покои?

– На третьем этаже. Но поместье закрыто моими щитами.

– Да? – лукаво удивился маг, делая незаметное движение пальцами.

Полумрак оранжереи встретил их тишиной и насыщенным ароматом цветов и фруктов.

– Веди, – приказал невидимый учитель, и Год безропотно направился к дверям. – Стоять. Вот теперь я верю, что ты влюблен, раз другого способа передвигаться, кроме как ножками, уже не знаешь.

– Извини. – Придворный маг представил себе спальню Доры и нажал на камни порталного браслета.

Вирденсу понадобилась всего одна минута, чтобы выбрать один из париков княжны и прихватить лежащее под зеркалом старинное колечко, судя по потертому ободку, послужившее не одной из княгинь Марьено. Намного больше времени он потратил, стоя у окна и задумчиво разглядывая сторожевые башни.

Год стоял рядом, магическим зрением наблюдая, как ярче расцветают, свиваясь в более сложный узор, линии защитного плетения.

Закончив, маг без предупреждения подхватил ученика и перенес в его гостиничную комнатушку.

Бдительно прислушался, язвительно усмехнулся и движением брови резко распахнул створки небольшого оконца. Короткий вскрик донесся почти одновременно с глухим ударом, но никто из мужчин и не подумал сделать хоть движение в ту сторону: оба отлично знали – любопытный лазутчик жив, невредим и отделался лишь легким испугом. Маги плато никогда никого не убивали. Если, разумеется, не было никакого иного выхода, но такие случаи можно пересчитать по пальцам.

– Похоже, не зря ты тревожился, – пробормотал Вирденс, успевший устроиться за столом и построить перед собой призрачную магическую пирамиду, на вершине которой бледно светился овал смотрового портала.

Одно из самых новейших изобретений магов плато, появившееся у них совсем недавно и позволявшее заглянуть в любое помещение, если там находился предмет или человек, к которому можно было протянуть надежную нить связи.

– Что ты видишь? – метнулся к учителю Годренс, всмотрелся в мутное, словно залитое киселем изображение. – Вроде жива, и никого рядом нет. Видно плохо... то ли надевает украшения, то ли снимает... А в этом окошке всегда все как в тумане?

– Нет, обычно искомый предмет виден очень ясно, – огорченно пробормотал магистр, колдуя над призрачным приспособлением. – Посиди тихо пару минут, я попытаюсь сходить в гости к твоим бывшим родичам.

– Нет! Они сразу заметят, если ты тронешь щиты, – встревожился Год. – Ты же знаешь, как надежно защищают у нас невест? Особенно после случая с родственницей правителя.

– Помню я тот случай, – безразлично отмахнулся магистр и вдруг оживился: – А ведь это идея! Посиди минуту, я попробую договориться с одним другом.

– Вирд! Ты обещал...

– Не волнуйся, не стану я никому открывать твоих тайн, помню про клятву.

– Если бы они были мои, – невесело усмехнулся Годренс, – я бы тебе позволил делать все что угодно. Но ты же знаешь, это тайны Рада, вернее, Зантарии, а она категорически против вмешательства магов плато. Ей и из-за меня хватает упреков и обвинений в нарушении закона...

Последние слова он произносил в пустоту – ни мага, ни его необычного прибора в комнатушке уже не было.

Вернулся магистр не один, а с двумя незнакомцами, и не через минуту, а спустя почти четверть часа. За это время Год успел раз десять отругать себя за принятое решение, хотя точно

знал – это был самый простой и безболезненный способ раз и навсегда разделаться с родичами, от которых он никогда не видел ничего, кроме обид.

– Может, найдем местечко посвободнее? – сухо осведомился, оглядываясь, стоящий впереди всех сухошавый немолодой дроу с символом старшего дома на груди.

– Больше всего подходит старый дом с башней в трех сотнях шагов от поместья Чатонде, – тотчас отчитался Вирденс, вовсе не ради праздного интереса так подробно изучивший все подходы к крохотному имению дяди Годренса. – Там живет древняя старуха с преданными слугами. На верхний этаж башни никто никогда не поднимается.

– Веди, – блеснув желтоватыми глазами, коротко приказал второй, совсем молодой незнакомец и вдруг швырнул в Годренса какое-то заклинание.

Мгновенно нагрелись и полыхнули зеленою камни в кольце и подвеске, защищающих придворного мага от ментальных атак. Годренс с такой же привычной скоростью отреагировал на это предупреждение подаренных учителем амулетов, подняв все свои щиты и выхватив боевой жезл. В изящном оружии, похожем внешне на дамскую указку, на самый крайний случай хранился десяток сильнейших огненных вихрей.

– Год, – тотчас оказался рядом Вирденс, – ты с ума сошел? Это свои!

– Извини, Вирд, – буркнул желтоглазый, – это моя вина. От твоего ученика несет тоской и отчаянием, хотел немного успокоить. А щиты у него хороши, даже не ожидал, судя по ауре.

Отвечать Вирденс не стал – спеленал всех магической сетью и открыл проход, ему, опытному мастеру порталной башни, спонтанные переносы давались легче, чем остальным.

Вот и сейчас – не успел Годренс мигнуть, как оказался стоящим посреди полутемного помещения, прямо напротив узкого пыльного оконца, за которым тускло алело падающее за горы солнце.

Маг озибался всего несколько мгновений, и за это время в помещении, явно бывшем когда-то лабораторией лекаря или травницы, исчезла вся пыль. Осталась только на оконных стеклах, все остальное блестело так обожанной маглорами чистотой. А его учитель вместе с незнакомцами уже устраивались за широким столом, на котором начинал сгущаться силуэт призрачного прибора. Год поспешил примоститься за спинами магистров, успев по дороге обнаружить символ старшего дома и у желтоглазого.

Но глаза у него теперь почему-то были обычные, карие и насмешливые.

– Вот она, – облегченно выдохнул Год, разглядев в смотровом портале сидящую посреди комнаты Дору, присмотрелся внимательнее и нахмурился: – Ничего не понимаю...

– Я пока тоже, – сердито рыкнул молодой маг, колдующий над туманным окошком. – Но сейчас... сейчас...

В комнате словно потемнело, а овал заглядывающего в чужой дом портала, наоборот, стал красочнее и раздался почти вдвое.

– Осторожно, – прошипел старый магистр, – почувствуют!

– Он входит через дым, – очень вежливо пояснил Вирд, и Год согласно кивнул.

Огонь действительно всегда немного искажает любые щиты. Всего чуточку, но тонкой, как игла, следилке, несущей на острие крохотный магический глаз, вполне хватает, чтобы проскользнуть под прикрытием струйки тепла.

Лицо Доры словно приблизилось, и сердце Годренса сжало острым пониманием случившейся с ней беды. Девушка была бледна, короткие золотые волосы, обычно казавшиеся пышной короной, потемнели от пота и прилипли ко лбу неопрятными прядями, синие глаза смотрели устало и сердито.

Год разглядывал ее и лихорадочно размышлял, как поступить? Просить помощи у учителя и его могущественных друзей или просто помчаться сейчас в дом дяди, устроить там скандал и вырвать Дору из недобрых лап родичей? А решать все остальные проблемы он будет потом...

– Вирд, объясни ему, что никуда бежать не нужно. Теперь мы и сами разберемся с этим делом. И скажите мне, что за артефакт у нее на руке?

– Это мой свадебный браслет, – пояснил не отрывающий взгляда от невесты придворный маг. – В нем защита, моя и учителя.

– Спасибо, Год, – шепнула вдруг Дореня и нежно улыбнулась. – И не волнуйся за меня, теперь я выберусь.

– Откуда? – ошеломленно выдохнул маг, но овал вдруг угас, а под потолком вспыхнуло золотистое сияние магического светильника.

– Обсудим? – спросил молодой маг и оценивающе глянул на друзей. – Кто скажет, что не так в этом вашем ритуале?

– Нашем ритуале, пора привыкнуть, десятый год все-таки. И сделай по чашке чая, я как раз собирался перекусить, – ворчливо поправил немолодой магистр, потом остро глянул на настороженного Годренса и как-то обиженно добавил: – Никогда не думал, что в Дройвии найдется сильный маг, который бы меня не узнал. Где ты его прячешь, Вирденс?!

– В Тальзии, – кратко сказал маг, но в его голосе послышалась хорошо знакомая Годренсу гордость.

За него, Года, бывшего когда-то самым бесталанным среди всех двоюродных и троюродных кузенов, не говоря уже про дядюшек.

– Но там же не жалуют магов, – недоверчиво прищурился старик. – Или...

– Или. Годренс – придворный маг ее величества Зантарии Селваронской.

– И ты прятал его от нас! – Возмущение, пылавшее во взгляде старшего друу, было совершенно искренним, хотя и чуточку преувеличенным.

– Он меня не прячет, – заступился за учителя Год и смущенно смолк, не зная, как не обидеть друзей Вирденса пояснением, что у него просто не хватает времени на бесполезные знакомства, он и так еле успевает отражать нападки врагов.

– Тогда давай знакомиться, – принял непроизнесенные извинения старший магистр. – Я – Гуранд.

– Иридос ди Тинерд, – буркнул молодой маг, покосился на растерявшегося друу и ехидно улыбнулся главе магического совета Дройвии: – Радуйся, Гуранд, о тебе он все-таки слышал.

– И о тебе, судя по его изумлению, – едко огрызнулся глава дома ди Сартено и тут же перевел разговор на более интересующую Года тему: – А в том доме, судя по всему, готовилось преступление, и я бы на твоём месте не закрывал смотровое оконце.

– А я и закрыл не до конца, – спокойно сообщил глава дома ди Тинерд. – Оставил ментальную следилку, это мое личное изобретение. И пока девушка спокойно снимает с себя драгоценности, хочу услышать ваши объяснения. Почему и за что жители этого дома приговорили ее к удушению?

– Убью, – тихо и как будто спокойно прошипел Годренс, но его собеседники как по команде примолкли и помрачнели, расслышав в этом скупом обещании неукротимую ненависть.

– Год, можно я сам поясню? Вкратце? – деликатно осведомился Вирд, получил в ответ молчаливый кивок и поспешил посвятить друзей в события, произошедшие более тридцати пяти лет назад.

Глава четвертая

О детстве Годренса, тайнах и обычаях его родичей, незванных гостей и резких поворотах судьбы

– Отец Года был сильным магом, – начал свой рассказ Вирденс, вздохнул и покосился на ученика. Ему самому понадобилось почти три года, прежде чем диковатый парнишка с почти невидимой аурой и невероятным трудолюбием рассказал простую и неприглядную историю. – Все свои доходы он отдавал в дом, как было заведено в семье, и все было хорошо, пока он не влюбился. Невеста была из небогатой семьи, да еще и из Ардага. И не могла оставить родителей – ее старшая сестра уже вышла замуж в Сандинию, а других детей у них не было. Он уехал со скандалом, мать его прокляла, отец не отдал ни медяка из заработанных сыном денег. А через семь лет маг погиб вместе с женой, и вскоре в Ардаг заявили его братья и забрали маленького Года и все ценное имущество. Убитые горем старики и не думали протестовать, но прожили после этого недолго. Первое время в доме дедушки к Годренсу относились хорошо, но когда сирота подрос и стало ясно, что дар у него очень слаб, им начали помыкать все кому не лень. Он терпел до четырнадцати лет, а потом явился к городскому главе со снятым со столба объявлением – почтовая гильдия Ардага приглашала одаренных парней для работы на портовых башнях. Всем желающим обещалась поддержка властей, вы же знаете, как не любят дроу отпускать детей, собирающихся покинуть родину.

– И они его до сих пор не простили?

– Они бы про него и не вспомнили, лишний рот в этой семье – хуже врага. Но, уходя, Год сумел отсудить часть отцовского наследства, и не от вредности или жадности. Ему просто не на что и не в чем было ехать в Тмис, а приближалась зима. Однако в гильдию его не взяли, зато нанял в прислужники молодой маглор, недавно прибывший с плато.

– А откуда у него появились способности? – недоверчиво поинтересовался Гуранд.

– Всегда были. Я сразу обратил внимание на странные несоответствия между цветом его ауры и ее устойчивостью. Когда Годренс кастовал маленькие бытовые заклинания, аура не исчезала, значит, резерв не становился меньше. Через некоторое время, сделав несколько экспериментов, я убедился, что на резерве парнишки стоит очень хитрое запирающее заклинание, и написал письмо учителю на плато. Он пришел, подтвердил мои выводы и снял замок. С того дня Год считался моим учеником, а не слугой. А теперь про Дору. Все заметили, что ее верхние покрывала чем-то разрезаны? Значит, она не смогла их откинуть и встать. И тогда понятно, почему невесту, как забором, окружили креслами и сундуками, ее одеяния явно к ним привязаны. Хотя на первый взгляд это выглядит так, словно одевальщицы ушли, забыв за собой убрать, вот только на столе не видно ни одного лоскутка или шпильки.

– А девушка молодец, не растерялась, – похвалил Иридос. Внимательно посмотрел на сородича, потом на Годренса и понимающе хмыкнул: – Похоже, тайны у вас до сих пор общие.

– Он мне друг и однажды спас, – не принял шутки Вирд. – Но сейчас некогда об этом говорить, нужно решить, как поступим с домом Чатонде и не пора ли забирать оттуда Доренею. Она, конечно, смелая и умница, но, боюсь, родичи Года не оставят ее в покое. Уж очень им хочется укунить его побольнее, и не только в отместку за выданный когда-то кошелек. Довольно тощий, могу вас заверить, дядюшка посчитал каждый кусок хлеба, съеденный племянником. Теперь родичи злятся на него и за презрение соседей, осудивших их за измышательства над сиротой, и особенно за появившийся у него дар. Уходящие мимо их жадных лап деньги – вот что не дает спокойно спать старосте дома Чатонде и его матушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.